

Валерия Лисичко

ЧЕТЫРЁМ СМЕРТЯМ
НЕ БЫВАТЬ

Валерия Лисичко

Четырем смертям не бывать

Издательский дом «Сказочная дорога»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисичко В. В.

Четырем смертям не бывать / В. В. Лисичко — Издательский дом «Сказочная дорога», 2016

ISBN 978-5-4329-0102-6

Главный герой: старик-ветеран. За плечами – фронтовое прошлое и долгая-долгая жизнь. А впереди – смерть раскрыла свои объятия. Она приходит в четырёх воплощениях: девочка-ребёнок, юная девушка, молодая женщина и старуха. И каждая играет на определённых струнах его души, выманивая с этого света, и норовит увести за собой. Но бывалый вояка не так прост! Он даёт смерти решительный отпор. Его хватит ещё на одну войну!

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0102-6

© Лисичко В. В., 2016
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2016

Содержание

Об авторе	6
Нет, смерть!	7
Четырём смертям не бывать	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерия Лисичко

Четырем смертям не бывать

© Лисичко Б. Б., 2016

© Алешковская Е. Е., ил. для обложки, 2016

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2016

Об авторе

Наше знакомство с Валерией Лисичко произошло в 2010 году в одном из московских лит-объединений: я помогал готовить её первый поэтический вечер и наклеил на молодого автора «ярлык», мол, поэтический потенциал есть, но пока ему ещё развиваться и развиваться...

После мероприятия Валерия подарила мне свою прозаическую книгу «Тороно». И книга эта враз перечеркнула и сложившееся мнение и вообще желание ярлыки навешивать. Прочитав произведение, понял: передо мной состоявшийся интересный автор.

На сегодняшний день Валерия Лисичко состоит в Союзе писателей России, Союзе писателей XXI века, является членом литературно-музыкального объединения «Избранники Муз». Повесть, которую вы держите в руках, Союз писателей XXI века рекомендовал на Национальную литературную премию «Большая книга».

Лито «Избранники Муз» неоднократно представляло как произведения, так и самого автора к общественным наградам. Валерия награждена медалями МГО СП России им. М. Ю. Лермонтова и ЦК КПРФ им. М. В. Ломоносова за верное служение литературе и вклад в культуру нашей страны.

Валерия Валериевна не только современный перспективный автор, но и активный участник литературной жизни Отечества.

Её книги ежегодно представляются на международных и всероссийских выставках-ярмарках на ВДНХ. Она организует мероприятия в библиотеках, социальных центрах, других культурных площадках Москвы и участвует в них.

В 2013 году Валерия выступила организатором, куратором и членом жюри поэтического конкурса «Золотые строки» для старшеклассников Москвы.

Несмотря на то что пишет Валерия с детства и всегда хотела быть писателем, учиться она поступила на факультет педагогики и психологии. Тем не менее творческий путь автора напоминает сюжеты романов Максима Горького, где жизнь сама становится литературным наставником, устраивая встречи и даря неожиданных «лекторов и семинаристов», учителей и коллег по перу. Каждая книга – результат годовой работы. Так, итогом «первого курса» стала книга «Тороно», второй завершился книгой «Девственница», третий стал временем экспериментов: появилась ироничная повесть про Сгущёнкина «Одинокий отец с грудным ребёнком на руках снимет жильё...», четвёртый курс – «Путешествие по Карелии», а «выпускной дипломной работой» является книга «Четырем смертям не бывать».

Творчество Валерии Лисичко не оставляет читателя равнодушным, оно заставляет сопереживать героям произведений и вдохновляет людей на творчество.

Находясь под впечатлением от повести «Четырем смертям не бывать», я написал стихотворение, в котором есть такие строки:

Смерть за левым плечом, ближе к сердцу, стоит.
Терпелива, бесстрашна, красива до жути.
И когда-нибудь всё-таки заговорит,
А пока – молчаливо «по-чёрному» шутит...

Борис Катковский, член Союза писателей России, член Академии российской литературы

Нет, смерть!

Лозунг «Да, смерть!» более двадцати лет назад придумал писатель Эдуард Вениаминович Савенко (Лимонов). Можно по-разному относиться к его творчеству и политическим убеждениям (напомню, что Лимонов является основателем и лидером запрещённой в РФ Национал-большевистской партии – НБП). Я о другом. Писатели, они такие: казалось бы, человек городит несусветную чушь или фантазирует. А выходит пророчество. Потому что литература – я в этом искренне убеждён – стоит над реальностью и управляет материальным миром. Для физических явлений механизм воздействия сложен, и не здесь его описывать. Скажу лишь, что он существует. А для общественных процессов работает простая, даже примитивная, машинка: «Вначале было Слово».

Большую часть времени общество, равно как и все физические и биологические системы, пребывает в состоянии гомеостатического равновесия. Потом появляется Некто и произносит Слово. Рождается новый смысл. Затем Слово (идея) овладевает массами, находит свои штыки. После чего оно быстро становится Делом – и общество меняется.

Изменения бывают как революционные (не дай Бог!), так и эволюционные, что случается чаще. В данном случае, это не важно. Главное – сказать новое Слово. Причём кто это сумеет, заранее совершенно неясно. Сто умников-гениев могут много лет скрипеть извилинами, но так ничего и не родить. А придёт дурачок, ляпнет – и попадёт в яблочко. Случилось так, что в начале XXI века в нерв эпохи попал Лимонов. Он сказал своё Слово. И это Слово было «смерть».

Эх, есть грех: люблю себя цитировать. К широко отмечаемому в России в мае 2015 года 70-летию Победы мне заказали текст. Я написал, но заказчики поперхнулись: он не вышел по цензурным соображениям. Позволю себе цитату из него:

«Первое послевоенное поколение политиков [1950-е] отчаянно боялось повторения мировой бойни потому, что война случилась на их глазах. Они видели её ужасы, а многих Вторая мировая затронула лично. Казалось бы, «ястребы» с той и другой стороны [в СССР и в США] заявления и обвинения друг в друга бросают самые серьёзные. Сейчас полыхнёт! Ан нет. Ястреб-то он ястреб, а как вспомнит восемнадцатилетних солдатиков, погибших и искалеченных, их оторванные руки-ноги, кишки кровавые в пыли, павших друзей – так и задрожит палец на ядерной кнопке. Закурит политик, глотнёт коньячку, почешет затылок да и махнёт рукой: «Попробуем договориться с этими проклятыми империалистами/коммунистами». Главный урок и вывод из Великой Отечественной и Второй мировой войн прост: всё, что угодно, только не война. Тех, кто нам не нравится, очень хочется уничтожить. Но нельзя, потому что [при наличии ядерного оружия] мы одновременно уничтожим и самих себя. Надо договариваться, как бы это ни было противно. Это касается не только войн между государствами, но и внутренних гражданских конфликтов. Спустя примерно двадцать лет после 1945 года политики по обе стороны океана делали всё возможное, а порой и невозможное, чтобы Третья мировая война не началась. Поводов-то было предостаточно: один Карибский кризис 1962 года чего стоит. Но в последний отчаянный момент рука с ядерной кнопки всё-таки убиралась. Буквально.

Затем к власти в мировых державах пришло поколение «детей войны». Сами они не воевали, но отцы рассказали им многое. Как положено, дети отцов не понимали, а их идеологические разногласия считали не очень существенными. Именно в этот момент ядерное оружие стало элементом культуры. Ведь культура искусственна: это не личный опыт, а опосредованный, кем-то – кому доверяешь – рассказанный. Отсюда, между прочим, мощное молодёжное антивоенное движение. Детки решили: война – бяка, а отцов-ястребов – на свалку. Устами

младенца глаголет истина. Благодаря этому мы живы. От края войны мир постепенно отполз; с 1970-х пошла «разрядка». Одновременно с гонкой вооружений, на всякий случай.

А дальше случилось страшное: к власти в мире пришло поколение «внуков войны». Современный политик – это человек 55–65 лет, он родился в 1950–1955 гг. плюс-минус 5 лет. В локальных конфликтах он воевать мог, но в мировой войне не участвовал. А часто и нигде не участвовал: карьеру делал, пока другие воевали; потому всех и обскакал. Для него реально воевавший в Великую Отечественную или Вторую мировую – это старый занудный дед, вечно чем-то недовольный и ко всем придирающийся. Он от него в детстве прятался, чтобы по ушам не получить, а когда подрос, выпрашивал конфеты и карманные деньги. Бартер: я, дедушка, так и быть, твои байки о войне послушаю, но ты мне дай денежку на мороженое и девочек. В результате «внуки» над Великой Войной обычно смеются и её отрицают. По принципу «этого не может быть; а у дедушки малясы».

Политиками утрачен страх Божий. Сейчас у руля встали люди, в бомбоубежищах не дрожавшие, хлеб, мыло и спички по карточкам не получавшие, в окопах не гнившие, под пулемётами по минным полям не бегавшие. И, что не менее важно, это люди, не пережившие назидательного окунания самодовольной физиономии в корыто с кровавыми помоями.

В смене поколений не было бы ничего плохого (процесс-то естественный), если бы не наблюдающееся на наших глазах изменение поведения лидеров ведущих держав. Вероломное нарушение договоров, наглая клевета в глаза, политическое шутовство и попираание ногами с великим трудом созданной их политическими предшественниками системы международного права стали государственным бытом. Примеров множество, и касаются они отнюдь не только России. Люди на ответственных должностях занялись политическими «антраша», например переписыванием истории Второй мировой войны. И в результате немедленно превратились в «шантрапу». Только помещение, где выступает политический цирк, утыкано ядерными кнопками. А каждое неудачное сальто-мортале автоматически превращается в *casus belli*, то есть в повод к войне.

В момент смены поколений политических лидеров с «детей» на «внуков» войны Лимонов своё пророчество и выдал. «Да, смерть!» означает, что люди перестали бояться войны, сиречь массовой и бессмысленной смерти. Из ужасного Апокалипсиса Третья мировая ядерная война вдруг превратилась всего лишь в ещё одну войну, которую можно и нужно попытаться выиграть. Политические события последних трёх лет прекрасно иллюстрируют этот опасный сдвиг в коллективном бессознательном.

К счастью, культура продолжает реагировать на вызовы. Об этом повесть Валерии Лисичко. Она тоже сказала своё Слово: если вы так уж хотите воевать, может быть, для начала выслушаете тех, кто воевал? А то ведь политики и пропагандисты, призывающие к войне, при начале конфликта с семьями в бункерах укроются. А умирать вам и вашим детям. Скажу по секрету: надежда на сохранение мира есть. Она в поколении 20–40-летних «правнуков», которое 60-летних «внуков» на высоких должностях всё больше подпирает и грозит вскоре подвинуть. Правнуки про Вторую мировую знают мало. Потому что знать не хотят: для них это «прошлый век». Воевавших родных и близких у них нет, они умерли ещё до их рождения. В их жизни были не живые рассказы, а лишь память. Это неисправимо. А надежда в том, что новые поколения менее подвержены идеологии и поэтому более восприимчивы к знаниям. Им и адресована замечательная повесть Валерии Лисичко, которую я всем рекомендую прочесть. Сдвиги в коллективном бессознательном бывают не только опасными. А среди выдающихся деятелей культуры встречаются не только озлобленные маргиналы, но и подлинные гуманисты.

Павел Чувиляев, член МГО СПР

Четырём смертям не бывать

Четырём смертям не бывать! – и толстячок-путешественник хлопнул рукой по топографической карте, разложенной на столе. Этим эмоциональным выпадом он поставил яркую точку в конце долгого и местами нудного повествования об исследовании, на которое он, собственно, и пытался добыть средства.

Толстячок озадаченно почесал нос. Он запоздало понял, что вместо «трём смертям не бывать» сказал «четырёх». И никак не мог понять причину глупой оговорки.

Председатель комиссии вяло кивнул. Трое его помощников «сползли под стол» ещё в середине рассказа: один постоянно двигал челюстью, как будто пережёвывал то ли язык, то ли изложенную выступавшим информацию; другой просто прикрыл глаза и дремал, а третий быстро делал записи в небольшой книжке. Но что-то подсказывало толстячку, что записи эти не имеют ни малейшего отношения к его проекту.

Психологи наверняка бы уцепились за оговорку и развернули дискуссию со ссылкой на Фрейда. Мол, через данную речевую ошибку мы можем пробраться в область бессознательного. Что посредством данной оговорки о себе заявило скрытое в глубинах пухлого тела либидо. И о глубинном значении деления смерти путём множественной персонализации, благодаря которой снижается мощь устрашающего явления. А проще говоря, пухлый человек боится смерти, поэтому делит её на четыре части, чем лишает сил.

Но ни толстячок-путешественник, ни уважаемые психологи, ни представители почётной комиссии не увидели, как за спиной оговорившегося расхохотались Четыре Смерти.

Одна из них морщинистой рукой уже ласково поглаживала толстячка. Он-то ещё не знал, что решением отправиться в эту экспедицию подписался на встречу с пожилой, пока не зримой для него дамой. С каждой секундой наш путник становился всё ближе к ней. И уже чувствовал странное волнение, словно в тёмной комнате ощущаешь присутствие ещё кого-то.

Комнату, где заседала комиссия, освещала энергосберегающая лампочка – общество каждой мелочью старалось подчеркнуть активную жизненную позицию и ответственность организации. Вот, посмотрите-ка, какое хорошее общество – даже электричество-то они экономят. Молодцы!

И сейчас комиссия этого «экономного общества» решала, выделить ли деньги на исследовательскую экспедицию учёного-толстячка. А Четыре Смерти с интересом смотрели на театральную постановку под названием «жизнь». Как-никак от ответа комиссии зависело, обратится ли клиент в их фирму.

Председатель коротко посоветовался с помощниками и огласил решение: финансировать.

Толстячок обрадовался, но тут же «сдулся». Странная тревога усилилась, что показалось ему неправильным: самый волнительный момент позади – ему выделяют деньги. Тяжесть влажным пузырьком навалилась на толстячка. Он вдруг захотел бросить всё к чёртовой бабушке и выбыть из исследования, заболеть, отказаться, да что угодно!.. Он тяжело вздохнул.

«Просто усталость, – сказал он себе. – Вот она, обратная сторона успеха».

Решение принято окончательно, и толстячку уже никуда не деться. И Смерти могли ненадолго его оставить. Но Маленькая, белобрысая, с детским личиком не сдержалась:

– Можно я?! Можно? Ну, пожалуйста... – И она повисла на руке Старухи. Её лёгкие импульсивные движения отозвались холодком на коже толстячка, и он вновь засомневался.

– Тише! – Молодая Смерть погладила малышку по спине. Статная и красивая, с аристократическим лицом и нитью жемчуга на шее. Её персиковая кожа отливала мёдом в тусклом свете потустороннего мира.

Старая Смерть тяжело вздохнула и отвела глаза. Перед её взором предстали вонючие топи и непроходимые болота, смертоносные насекомые, беспощадные непрекращающиеся дожди.

– Я бы забрала его легко! – выпалила Маленькая Смерть.

– Ты же знаешь... – укоризненно протянула Юная Смерть, свежая еще девчонка (о таких говорят: только со школьной скамьи).

– Если бы его можно было забрать легко, – подхватила мысль говорившей Старуха, – я бы отошла в сторону и его забрала бы ты. Но его возьму я.

– Меня ждут. – Юная Смерть махнула рукой остальным и убежала по своим тропкам, сплетённым из мыслей, страхов и тонких струн мира душ.

Бывает так, что человек находится в полушаге от другого, при этом бесконечно далёк. А бывает наоборот: люди по разные стороны океана на одной волне.

Для Смертей километража не существовало.

А дальние абстрактные понятия выстраивались в прочные дороги.

* * *

Пара лёгких шагов – и Юная Смерть оказалась рядом со своим подопечным. Она улыбнулась и укрепила его руки, когда лезвие коснулось синей дорожки вены, и помогла надавить, чтобы получилось поглубже, чтобы наверняка. Она, будто возлюбленная, шептала ему слова о подвиге и героизме. В этот момент она и вправду искренне любила его. Вода в ванной окрасилась кровью. Самоубийца блаженно прикрыл глаза. А Юная Смерть присела рядом. Она заворожённо смотрела на то, как осушается лицо и черты становятся заострёнными, и красивый парень превращается в серого уродца. Как ослабевают мышцы и нижняя челюсть отпадает к груди и подтекают в воду слюни.

Дело сделано. И Юная Смерть покидает его, чтобы влюбиться в следующего. Она как подросток не приемлет слова «нет» и не терпит безответной любви. Поэтому старается довести своих возлюбленных до финала, подарить им вознесение. Ведь каждый сохранивший жизнь причиняет ей боль, оставляя её чувства безответными.

Теперь она спешит к герою – тому, кто, рискуя жизнью, спасает других. Она ветрена, и новое чувство уже захватило её. Но, не добежав до спасателя, останавливается. Глухой голос, надорванный страданием, зовёт её. Юная Смерть оборачивается, замирает, прислушиваясь. И взаимное желание сплетает дорогу для встречи смерти и человека: на подоконнике сидит высосанная усталостью женщина с погасшей душой.

– Сил больше нет, – говорит она сипло и безразлично смотрит на несущиеся мимо низкие облака.

Юная Смерть кладёт руку на влажное запястье своей новой возлюбленной.

– Никто уже тебя не полюбит, – тихо шепчет она на ухо женщине. – Ты – моя. Жизнь в тебе давно угасла. Расколи тонкую скорлупу тела, отпусти себя на свободу. И мы будем вместе. И муж пожалеет обо всём. Представь, как он упадёт на колени и закроет лицо руками, пряча слёзы. Но тебя уже не вернуть... И сын наконец-то оторвётся от дружков с улицы. Горе утраты очистит их души. Твоя жертва не будет напрасной. Они образумятся с твоим уходом. Ну же, милая, позволь мне обнять тебя! Поторопись, а то лишишься и моей любви...

И женщина соскальзывает вниз, в объятия ласковой смерти.

* * *

Время и пространство мира, сплетённые ароматом людских мыслей и страхов, исказились и расступились, пропуская коварную Старуху Смерть. Она шагнула к толстячку и тенью

последовала за ним, нашёптывая путь. Он долго сопротивлялся – разум брал верх, и он обходил опасные тропы. Но однажды, под давлением накопившейся усталости, он послушно последовал указаниям странного голоса. Неосторожный шаг – и толстяк сорвался с края тропы в обрыв, полетел вниз, в пропасть, на острые клыки-камни. Вдруг ему удалось схватиться – пальцы крепко стиснули старый корень, и он повис на пугающей высоте. Пропасть разошлась в пасты... И Старуха Смерть неторопливо зашагала к жертве.

– Нет! – звонкий детский голос колокольчиками взорвал равномерное урчание звуков природы. Откуда ни возьмись появилась Маленькая Смерть. Она повисла у Старухи на локте. – Уступи его мне. Он мой! Отдай! Я хочу, я!

Старуха попыталась отцепить назойливую девочку.

– Не всё будет так, как хочется тебе, – зашипела Старуха. – Прочь! Путешественник мой. Да ты и сама это чувствуешь!

– Нет! – И Маленькая Смерть отрицательно завертела головой. – Я чувствую, что он мой!

– Врёшь, – проговорила Старуха, – по тебе видно, когда ты врёшь.

Она оттолкнула девочку, и та упала на твёрдую землю.

Старуха, побряхтывая, спустилась по почти отвесному склону и протянула руку бедняге-исследователю. Он попытался ухватиться за неё, продолжая другой рукой держаться за корень. Но не хватало нескольких сантиметров.

– Пойдёшь со мной? – спросила Старуха.

«Что за дурацкий вопрос? – поднялся в его голове возмущённый рой мыслей. – Как будто есть выбор».

– Да! – отчаянно выкрикнул он.

Рот искривился в пугающей улыбке, и Старуха ухватила его за руку. Недобрый огонь вспыхнул в её глазах. От прикосновения холод разлился по телу. Старая гиена оттолкнулась от земли. Босые ступни Старухи оторвались от почвы. Две фигуры сорвались в злобно скалящуюся пропасть.

Малышка села на землю. Слезы стекали по щекам, капали на траву. Ветер стонал в ущелье и пронзительно свистел в кронах. Старуха, усталая и растрёпанная, подошла к малышке со спины. Тяжёлая морщинистая рука легла на детское плечико. Старуха села рядом и обняла девочку. Та содрогнулась от слёз, с новой силой прорвавшихся наружу.

– Ты должна была уступить, бабушка, – прошептала она.

– Ну, тише, тише.

Морщинистые руки гладили белокурые волосы.

– Это подло! – раздался детский крик над травой. – Подло! Слышишь? Верни его...

– Ты знаешь, что не могу. Никто не может.

Маленькая Смерть оттолкнула Старуху, вырываясь из объятий.

– Поздно, милая, поздно, – кривые пальцы потянулись к девочке.

И Маленькая Смерть уступила, позволила жёстким, кожистым, как крылья летучей мыши, рукам стереть грязь со своего лица. Она уткнулась в плечо Старухи и тихонько засопела.

* * *

Молодая Смерть стоит у балконной двери. Задумчивый взгляд переходит с мужчины зрелого возраста на его ровесницу-супругу. Они суетливо укладываются спать. Точнее, суетится жена. Муж же провожает её усталым взглядом. Хронически не высыпавшийся, работающий по шесть дней в неделю, он наблюдает за тем, как супруга мажет лицо кремом, потом забирается под одеяло, но неожиданно вспоминает, что хотела смазать ноги гелем для вен. Он тяжело вздыхает. Ещё пара седых волос прибавляется на голове.

– Тебе идёт проседь, – мурлыкает супруга. – Благородно.

Молодая Смерть выглядит задумчивой. Ей нравится смотреть на тех, за кем вскоре суждено прийти. Платье, длинное, светлое, элегантно струится по фигуре. Тонкая сигарета в изящных пальцах отрывается от алых губ. И струйкапряного дыма провожает сигарету.

Жена чихает.

– Ой, что-то нос защипало, – говорит она. – Соседи курят, что ли?

Свет гаснет. Молодая Смерть отправляет сигарету в окно. Она прокрадывается в постель. С ней часто просыпаются усталые мужья... Изыщные пальцы аристократки ложатся на его лицо и мягко, но настойчиво обращают его к себе.

– Ты сон? – с надеждой спрашивает он.

«Неужели чаровница всю жизнь пряталась за ширмой в нашей супружеской спальне?» – почему-то грезится ему.

Она кивает и бархатно улыбается. Нить жемчуга змеёй сползает меж сочных грудей. Он тянется к соблазнительной незнакомке. Она отвечает поцелуем... Она ведёт за собой: уверенная поступь, гордый профиль, расправленные плечи. К нему она пришла молодым инфарктом.

* * *

И Молодая Смерть, довольная собой, отправляется к старику Ирвину. Невидимкой она скользит сквозь дверь. Тёплая, деревянная, былых времён дверь навеивает приятные воспоминания. Когда-то люди не торопились, как нынешние. В них было больше покоя и смирения, чем в прежних. Они по духу были ей ближе. И Смерть не сдержала улыбку. Её встретил мрачный, оклеенный старинными бумажными обоями коридор. И запах старости. Рукой Смерть отвела занавеску деревянных бус и прошла в комнату – выцветшие зелёные обои, старинное трюмо на резных ножках, шкаф с самодельными резными дверцами и ламинат «под дуб» на полу.

Старик сидел на диване. Его взгляд был обращён к окну, однако не бегущие мимо облака интересовали хозяина квартиры. Перед глазами проплывали и раз за разом переживались старые воспоминания. Ирвин понравился Молодой Смерти. Статный, с вьёвшимся глубоко в морщины выражением лёгкого презрения на лице.

Молодая Смерть неспешно подошла к старику, села рядом. Она походила налань у родника. Течение жизни хозяина квартиры мирно журчало у её ног. Цокни каблучком – и уйдёт родник в землю. Складки его кожи преобразались в карту. Молодой Смерти нравилось путешествовать взглядом по пересечениям этих «каналов». Она уважала таких, как Ирвин, которые прошли «дистанцию» до конца, не разочаровались и находили в себе силы переходить от одного жизненного этапа к другому, и тех, кто не прятался, но интуитивно обходил опасность. Незваная гостья ухмыльнулась и поглубже вдохнула сладковатый запах стариковской квартиры – вот она, полная чаша: аромат близости с родителями перерастал в глубокую любовь к женщине и оборачивался радостью от рождения первенца, заботой о семье, самопожертвованием и... Выросшее дитя покидает гнездо, супруга так и не находит новой путеводной нити, жизнь утекает из её сердца, горечь вдовства и в наказание – пенсия, как дорога в склеп.

– Тебе пора, – тихо произнесла красавица, поигрывая жемчугом.

Уши Ирвина дрогнули. Старик насторожённо осмотрелся. Глубоко посаженные глаза сузились до щёлочек.

– Кто здесь? – воскликнул он и выхватил из-за спинки дивана трость. Ирвин закрутился на месте, держа её в вытянутой руке, как папиру.

– Где ты? Чую же, что здесь, не вижу только... – забормотал старик.

Молодая Смерть посмотрела на него со снисходительной улыбкой.

– Чуешь? Меня? – её бровь поползла вверх.

– Убирайся... убирайся! – старик стал делать выпады тростью, кромсая воздух. – Мне можно! Я слишком стар, чтобы быть нормальным.

– Я подожду, – ответила гостя. – Ты успокоишься и подпустишь меня к себе.
Но Ирвин лишь сильнее распаялся:

– Ну же, выходи! Иди ко мне, хватит стоять в тени, дай взглянуть тебе в лицо, трус!

Тихонько скрипнула балконная дверь. В комнату скользнула Юная Смерть. Она смерила широко посаженными глазами обезумевшего старика и вопросительно посмотрела на Смерть Молодую. Та пожала плечами.

– Я слышала странный призыв, – сказал Юная неуверенно. – Обычно меня зовут влюблённые.

– От любви до ненависти... – парировала Молодая.

Старик остановился. Сосредоточенный взгляд упёрся в одну точку. Мозг его хаотично работал.

– Нужно позвать Старуху, – серьёзно сказала Молодая Смерть. – Дело по её части.

Испуг молнией озарения прошиб Ирвина.

– Прочь, – зашептал он и сгорбился. – Прочь из моего дома! Я не пойду с тобой! Я здесь останусь. Мне ещё рано. Сгинь, тварь!

Голос его сорвался на крик. Мощная волна разошлась от старика и рассеяла незваных гостей. Ирвин осмотрелся, прикрыл глаза и прислушался. На душе стало спокойно. Плечи его от облегчения опустились. И он спиной облокотился на стену. Три смерти – Старая, Молодая и Юная – осторожно заглянули к старику.

– Не высовывайся, – шикнула Старуха на Юную Смерть.

Оценивающий взгляд коварной гиены липко облизнул Ирвина.

– Интересно, – протянула Старуха. – Необычный экземпляр. Здесь нужна хитрость.

– Дорога к нему открылась так же легко, как и к остальным. Я не понимаю, – губы Молодой скривились.

– Ещё бы. Поняла б, морщин нажила. А тебе Молодой оставаться нужно.

Ирвин дёрнулся, почесал затылок и обернулся. Его суровый взгляд упёрся в глаза Старухи Смерти.

– Хорош, – процедила Старуха. – Хорош.

Резким движением руки, от которого складки кожи колыхнулись волнами, Старуха увела Молодую и Юную Смерти из Ирвинской квартиры.

– Почему мы под дверью стоим? – спросила Юная Смерть.

– Пусть сам нас впустит, – проскрипела Старуха.

Ловкими натруженными руками она ухватила тонкий воздушный поток, как пряжу. Пальцы мелкими движениями вытянули из него тонкую нить, которая понеслась дальше.

– По моей воле... – искривились морщинистые губы.

– Ждать? – капризно фыркнула Юная. – Разве это наш удел?

– Ждут только те, кто скован течением времени, – пробормотала Старуха.

А Молодая слегка улыбнулась уголком рта, чуть округлив щёку. Смерть знала, что ждут лишь обречённые на гибель. От события к событию торопятся они к финальному аккорду.

* * *

Хватаясь за обрезиненный, местами прожжённый поручень, поднялась на этаж полная женщина. Она утёрла бумажной салфеткой влажное лицо. На неё смотрели четыре входные двери.

– Номера хоть бы подписали, – пробормотала она и полезла за блокнотом. Глаза побежали по строчкам неразборчивых записей.

– Двадцатая, – протянула женщина и ещё раз посмотрела на двери: слева направо три железные, обтянутые кожей, и только последняя – деревянная, выкрашенная белой краской.

К ней и шагнула неизвестная, надавила на кнопку звонка. За дверь послышалось пиликанье, но никакие другие звуки не донеслись из глубин квартиры.

– Нет, что ль, никого? – спросила женщина у двери и постучала.

Ирвин, который и думать забыл о приступе беспокойства, дремал в любимом красном кресле. Из маячившего на горизонте сознания сна уже призывно запели птички, но пение их сменил трескучий стук. И Ирвина вышибло из подступавшей мглы видений. Он нехотя поплёлся к двери, заранее злясь на мерзавца, прервавшего его покой. Старик заглянул в глазок и увидел неприятную на вид женщину.

– Кто там? – проскрипел хозяин квартиры.

И пришедшая стала нечленораздельно объяснять, что она социальный работник, новенькая на этом участке. И сегодня она готова сходить в магазин, чтобы облегчить жизнь почётному пенсионеру района. Говорила женщина негромко. И почётный пенсионер был вынужден прижаться ухом к двери. Каждое её слово наращивало в Ирвине гнев. Да за кого она его принимает? За дитя малое? За немощного инвалида?! Что он уж и в магазин сходить не может? Или это правительство хочет его обездвижить, дома запереть, чтобы подох поскорее? Без движения-то?

Взбешённый Ирвин, не дождавшись паузы в речи социальной работницы, закричал на беднягу и заглянул в глазок, – очень уж хотелось увидеть лицо этой выскочки, которая помогать ему собралась, если не сказать хуже – спасать... Его спасать? Да он сам кого хочешь спасёт! Он ветеран! Последнее поколение истинных воинов!!! Если и может кто кого спасти, так это он!!!

Линза глазка играла с пространством и растягивала лицо работницы чуть ли не на весь коридор. Ирвин уже кричал о том, что способен ещё в магазин ходить и не позволит никому у себя это право забрать, что квартира ему не тюрьма, – когда обратил внимание на три тени позади женщины. Он вздрогнул и замолчал. Ещё ближе прижался к стеклянной линзе. Лицо женщины размылось, а три фигуры на заднем плане попали в фокус. Страх пронзил Ирвина от пяток до подбородка.

– Вы? – произнёс старик.

Он узнал тех, чьё присутствие чувствовал не так давно.

– За мной... – проговорил он, отстраняясь от глазка.

Старик отступил от двери и тут же уверенно шагнул на прежнее место. Нет уж, так просто он не уступит. Границу будет держать до последнего, вверенную ему территорию врагу не отдаст.

– Ага! – азартно завопил Ирвин. – Поодиночке страшно на старого ветерана! Без боя не сдамся! Так просто меня не возмёшь. Убирайтесь, гадины! Пока не пришиб!

Бедная социальная работница попятилась.

Смерти расступились, пропуская её.

– Во-во! – радостно закричал Ирвин, в надежде что незваные гости отступают. – Бегите! Я страшен в гневе, етить вашу мать!

Социальная работница бегом бросилась вниз по лестнице. А Смерти спокойно подошли к двери. Ирвин содрогнулся, но не отступил.

Молодая Смерть качнула головой – мол, выходи.

– Рано мне ещё! – крикнул Ирвин. – Убирайтесь! В дом не пушу и сам не пойду. Рано мне, рано...

Рот Старухи исказила кривая улыбка.

На лестнице послышались шаги, ровный уверенный ритм сменяющих друг друга каблучков, по нарастающей. Девушка с ржаными кудряшками появилась на лестничной клетке. От ушей к сумочке тянулись провода, завершаясь плеером, выглядывающим из внутреннего кармана сумки, из-под молнии. Губы девушки подрагивали, вторя словам песни. Ирвин умолк и

обречённо прижался к двери. Сердце тяжело ухнуло и камнем повисло меж рёбер. Девушка тем временем надавила на звонок и, не отпуская кнопку, стала стучать.

– Уходи, не сегодня, я слишком устал, – заговорил Ирвин, преодолевая себя. Но девушка пристукивала ножкой и мотала головой в такт музыке. Она не слышала его.

– Вон! Вон отсюда! – закричал старик. И эти слова пролетели мимо белокурой гостьи.

– Деда, открывай, – крикнула девушка, продолжая одной рукой давить на звонок, а другой колотить в дверь.

Ирвин спиной навалился на дверь с другой стороны, словно пытаясь подпереть невидимую границу собственным телом. Но преграда не выдержала: напор юности прорвался сквозь сопротивление постаревшего воина. Он не мог противиться, повернулся и впустил гостью.

* * *

Девушка обняла деда, вытащила наушники и небрежно кинула их в сумку, так что часть проводов петлёй свесилась из зубчатого рта молнии. [erti за спиной внучки прошли в дом Ирвина. Тот, обнимая кровинушку, проводил навязчивых дам тяжёлым взглядом. При внучке он не мог позволить себе казаться сумасшедшим. А троица, мелькнув в коридоре, углубилась в комнаты. Внучка отстранилась, Ирвин взял её за плечи и заглянул в лицо. Его губы осветила улыбка. Глаза – как будто кто радужку из облачного агата выточил; мягкая, как губка, кожа на первый взгляд могла показаться неровной, но это ощущение не вызывало неприязни, скорее желание прикоснуться; красивый рот, с чуть выступающей вперёд нижней губой...

– Вылитая бабушка, – Ирвин крепко прижал внучку к себе, погладил по спине.

– Ну, хватит, я устаю от сантиментов, – закапризничала девушка, высвободилась из объятий и принялась разуваться. Потом скинула твидовое пальто, смотала шейный платок и вместе с шапкой кинула на узкую обувную тумбу.

– Лера, что ты как кошка шипишь на меня. Я тебя и так не часто вижу, дай хоть насмотреться.

Внучка фыркнула – мол, каждую неделю «насматривается» – и прошла на кухню.

– Социальная работница ещё не приходила? – удивилась Лера, заглянув в холодильник.

– Не приходила, не приходила, – заворчал Ирвин, почуяв укор. – На что она мне? Я сам неплохо с хозяйством справляюсь.

– Вижу, – губы девушки скептически сжались.

– Я сейчас супчик тебе погрею: – Ирвин отодвинул внучку от холодильника, извлёк оттуда кастрюльку и поставил на конфорку, потянулся к каминным спичкам, но рука замерла в воздухе.

– Что такое? – Лера нетерпеливо заглядывала через плечо.

Молодая и Юная Смерти с недоумением поглядывали на Ирвина из-за порога.

– Почему он остановился? – не выдержала Юная.

Старуха заскрежетала зубами. Она сидела на табурете у плиты и по-хозяйски тёрла ладонью газовую трубу.

– Прочь пошла! – заругался Ирвин. – Ослиные потроха!

Материться он отучился, когда, выйдя в отставку, устроился преподавателем в высшее учебное заведение на кафедру военного дела. Скольких учеников порекомендовал на достойные места... В течение двух десятков лет преподавания, к нему неоднократно приходили бывшие товарищи, занявшие места в руководящем составе боевых подразделений, просили посоветовать кого смышлёного. Он и советовал... А теперь Лера смотрела, как Ирвин грозит пустому табурету кулаком.

– Дедушка, ты в порядке? – взволнованно спросила внучка.

– Да, не обращай внимания. Я человек одинокий, вот сам с собой... – Ирвин отошёл от плиты.

– Может, лучше я? – Лера подошла к конфоркам, и Ирвин увидел, как Старуха с наслаждением вдохнула аромат внучки.

– Нет, – Ирвин резко оттолкнул девушку, так что та ударилась об угол стола.

– Больно! – Лера потёрла ушиб.

– Прости-прости, – Ирвин ухватил её за руку. Окостенелые пальцы деда поскребли-погладили её кисть.

– Лучше в комнату пройдем. Там компот открою, печенье из буфета возьмём. Я уж знаю, вы, молодёжь, перекусами живёте, супы там всякие не признаёте.

Они вышли с кухни, и Лера уселась на диван, как раз меж двух Смертей – Молодой и Юной.

Ирвин запыхтел.

– Не возьмёте, не позволю.

– Уступи ей жизнь, – прошептала ему на ухо Старуха. – Тебе на что? Жизнь одна. А вас двое...

Ноги подкосились, и Ирвин опустился в своё кресло.

«Ради внученьки», – подумал он и внутренне почти примирился с уходом. Молодая Смерть подседа на подлокотник, готовая заключить старика в свои пряные объятия.

Взгляд Ирвина замер на внучке. Из глубин памяти, навстречу собственному образу, заключённому в Лере, вышла любимая супруга. С момента смерти она жила только в Ирвине, воспоминания о ней старик хранил с особой тщательностью, часами перебирая их, как пыльные семейные альбомы.

– Не верю, – его шёпот обжёг Старуху.

– Леда, ты говорил про печенье. Если устал, я сама достану, – напомнила Лера.

– Нет-нет, – суетливо ответил старик. – Сиди здесь, ничего не трогай. Я всё принесу.

– Может, на кухне?

– Здесь сиди! – повторил Ирвин уже раздражённо. – И не трогай ничего.

Он вернулся скоро, как ему показалось. Быстро открыл банку с компотом, разлил по чашкам, выложил на тарелку печенье, фрукты, нарезал сыр ломтиками. Но время в очередной раз успело улизнуть. Иногда старику казалось, что внучка появляется только для того, чтобы напомнить, как сильно отстаёт он от мира, что он давно «устарел»; ну и немного «расшевелить застоявшуюся квартиру». Вот и сейчас он вышел с кухни, держа в руках поднос, а она, неуёмная, стояла у раскрытого буфета и вертела в руках зелёно-красное блюдо из немецкого фарфора, привезённое из Германии после Победы в Великой Отечественной войне. Вид бесценной вещицы в руках внучки заставил сердце трепетать от страха. А вдруг выронит? Какой-нибудь резкий звук – испугается и блюдо разлетится вдребезги... Воображение вмиг нарисовало страшную картину.

– Я же сказал сидеть смирно, – выдавил Ирвин. – Поставь на место.

– Да ладно тебе. – Лера и не подумала возвращать нарядное блюдо на тёмную полку.

Ирвин опустил поднос на столешницу буфета, выхватил фарфоровую прелесть из Лериных рук и осторожно поставил на место.

– Всё, баста, – сказал он, решительно притворив дверцу.

– Тедди, Тедди, – покачала головой Лера. – Прячь от меня, как от огня...

Глаза её выдавали лёгкую иронию.

– Ишь, что выдумала. – Ирвин отвернулся, чтобы скрыть от внучки лёгкое смущение. Ласковым прозвищем Тедди его обычно звала жена. Неужто сын рассказал?

– Боишься, что разобью? Тебе посудина дороже родной внучки? – Лера жеманно улыбнулась и деланно захлопала ресницами.

– Сама всё знаешь, – буркнул дед.

– Держишься за это старьё, как за сокровище, – скривила нос Лера, на этот раз искренне. – Ну разбила бы, и что? Купила бы тебе новое, ещё краше, или на заказ такое же нашла бы.

– Когда помру, меня на заказ найди, – огрызнулся Ирвин. – Ладно, хватит лясы точить. А то у меня дел ещё много.

– У тебя? – на лбу Леры дугой собрались морщинки. А Старуха-Смерть расхохоталась у неё за спиной и нагло уселась в любимое ирвинское кресло.

Лера перехватила взбешённый дедовский взгляд и невозмутимо стала рассматривать местами засаленную до черноты красную обивку сиденья.

– Как и я, думаешь, что его время уже пришло? – улынулась девушка и, взяв с подноса печенье, облокотилась бедром о столешницу.

– Ой, – Лера положила печенье обратно и достала из заднего кармана джинсов телефон.

– Чуть не забыла! – И она хлопнула себя рукой по лбу.

– Что? – не понял Ирвин.

– Сфотографировать перекус и выложить в сетку.

– Зачем? – не понял дедушка.

– Я тебе уже объясняла...

Ирвин помнил, что не в первый раз удивляется странностям внучки, но ответы её настолько не укладывались в картину его мира, что моментально скрывались под ворохом воспоминаний; внутренняя реальность поглощала чужеродные элементы.

– Повтори для старого. Сложно, что ли?

Лера пожалала плечами. Она уже сделала несколько фото и теперь уткнулась взглядом в светящийся экран.

– Друзья забеспокоятся. Писать начнут, названивать, а то и вовсе полицию вызовут.

– Как будто полиция такой ерундой заниматься будет, – гоготнул дед.

– Естественно, будет. – Лера низко склонила голову, как если бы Ирвин сморозил какую-нибудь глупость.

– Не пучь глаза! – пошёл в оборону дед.

– Да я и не пучу, – потеряла запал Лера. – Звонят друзья-знакомые, говорят, что тот-то и тот-то ведёт себя подозрительно: обычно фотографии выкладывает, а тут не выложил. Не случилось ли чего? Иногда полиция сразу едет, иногда просит перезвонить, если человек и в следующее время приёма пицци фотографии не выложит.

– Ладно, не умничай. – Ирвин почувствовал себя неудобно. – Добровольная пленница.

– Я-то? – удивилась Лера.

– А то! Ты, конечно! Заключение себя в ларец, Сетью его называешь, сама в эту сеть и попала. Думаешь, что ты этого хочешь, похвастаться там или пообщаться, а на самом деле...

– А на самом деле зелёные человечки из космоса внушают, – прервала его Лера.

– Почему зелёные? Вполне себе обычные, в форме... – отозвался Ирвин.

Лера закинула в рот кусочек сыра и, не прекращая жевать, позвала дедушку к письменному столу. На тканой зелёной салфетке их ждал открытый ноутбук.

– Включаешь хоть без меня? – тоскливо поглядывая на слой пыли, спросила Лера.

– Конечно, – бодро ответил Ирвин. – С Иришкой вот по видеозвонку общались.

Дед уселся за компьютер. В этот раз Лера познакомила его с программой обработки видео. Её пальцы, унизанные кольцами, летали над клавиатурой. Ирвин пытался освоить быструю компоновку кадров, но процесс ему никак не давался. Честно говоря, он не очень понимал, зачем ему нужен навык обработки видео, скорее для старика обучение превращалось в повод повидать внучку. Вот и задания он выполнял особо не напрягаясь. А тут ещё гости из мира

тонких материй глядели в три пары глаз. И сосредоточиться не удавалось. Лера разочарованно дула губки, стараясь не сорваться на деда.

Смерти поумолкли.

Ирвин угукал и кивал, когда Лера говорила. А сам смотрел на внучку и думал о жене. Как же они похожи, даже тембр голоса, уверенность и бескомпромиссность. Только вот заглядывая в глаза внучки, он не видел той спокойной глубинной мудрости и лёгкой смиренной грусти. Лера горела ярче, действовала импульсивнее. Её мир пылал – и вспыхивало всё вокруг.

Лера в очередной раз с силой надавила на клавишу enter, и розетка у головы выстрелила электричеством. Оплавилась пластмасса. Ирвин метнул злой взгляд на по-крысиному улыбающуюся Старуху. Лера, широко раскрыв глаза, окостенела на табуретке. Ирвин потряс её за плечи.

– Смотри, какая горячая, аж розетки плавятся, – попытался пошутить он, но голос звучал с натяжкой. – От парней, небось, отбоя нет. Хоть бы с женихом познакомила...

– С женихом? – пришла в себя Лера и посмотрела на деда из-под насупленных бровей. В её голосе явственно звучали раздражение и презрение.

– Ты меня неполноценной считаешь? – выплеснула она слова.

– Что это ещё за разговор? – набычился Ирвин.

– По-твоему, я не самодостаточна? Нуждаюсь в дополнительных точках опоры?

– Лера, да что ты завелась? – Ирвин почувствовал, как изнутри укоризненно смотрит на него супруга. Ей он противостоять не мог. Сдался, переступил через оскорблённое честолюбие и принял на правах старшего, а значит, и более мудрого, возвращать равновесие в диалог:

– Что ты завелась? Я задал простой вопрос, ничего не имея в виду. А если что не то спросил, ты поправь, объясни. Что злиться-то сразу?

– Ты говоришь мне, что я неполноценная, что для того, чтобы чувствовать себя счастливой, любимой, состоявшейся личностью и женщиной, я должна... должна... – Лера так часто дышала, что с воздухом заглывала слова в работающую как поддув грудную клетку.

Ирвин приложил ладонь к уху.

Ему сложно было угнаться за прыгающей интонацией голоса внучки. Фразы рассыпались на дребезжаще-пищащие звуки. Отдельные, дошедшие до сознания слова выстроились в смысловой ряд.

– А по-твоему – лучше одной? – недоумённо уставился на белокурую девушку дед. Он смотрел на родное лицо, которое порождало ретроспективу воспоминаний от рождения внучки и до сего дня, но не видел в нём родственной души. Взгляд упирался в невидимую преграду, не способный проникнуть в сущность собеседницы.

– Конечно! – выпалила Лера. – Только наедине с собой человек может обрести гармонию. Человек – это такой неограниченный ресурс, что в себе может и друга, и возлюбленного, и советчика найти, – голос Леры налился силой, равновесием, зазвучал вдохновенно. – Дело не в том, чтобы получить любовь от другого, а в том, чтобы научиться находить её в себе. И я не боюсь вступать в отношения с миром, один на один, без посредников. Я могу то, что пугает других, – использовать свою свободу от привязанностей как ресурс...

– Сестра-то твоя, Иришка, замужем, и не стесняется! – напористо выпалил Ирвин.

– Не стесняется? – глаза Леры плеснули ядом и сузились, как у готовящейся к броску хищницы. – Она не то, что стесняется, она скрывает и от друзей, и на работе, что они с мужем живут вместе.

– Глупость какая, – не поверил Ирвин.

– А то как же! Сам подумай: кто доверит хоть мало-мальски ответственную работу человеку, который без костылей шагу ступить не может? И это – при здоровых ногах. Я сестру не понимаю. Неужели Ире нужен тот, кто рисует идеал её жизни и вводит её в состояние осуществлённой мечты? Это же инфантильно...

– А дети тогда как же? – выдал Ирвин.

– Так же, – скорчила рожицу Лера. – В семье матерей растут. Отцы приходят проведать, сводить в зоопарк, или музей. А ребенок – при матери, в её семье.

«Когда же одиночество успело стать нормой? Почему я не заметил? – прожёвывались мысли в ирвиновской голове. – А много ли моих ровесников прожили без разводов? Если энурез нельзя вылечить, нужно научиться им гордиться. Вот и разведёнки нашли сомнительные плюсы в своём положении, а их дети подхватили и предпочли остаться по эту сторону баррикад, не рисковать. А на третьем поколении и вовсе забылось, на что нужны совместная жизнь, семья...»

– Ладно, – Лера поправила сбившиеся на лицо волосы. Пар вышел. Она всегда быстро успокаивалась. – Лучите вернёмся к нашим программалинам.

Пальцы её запорхали над клавишами. А Ирвин посмотрел на книжную полку.

У корешка «Воли к власти» дремало широкое обручальное кольцо. Мягкий блеск начищенного серебра укрылся тонкой вуалью пыли.

«Почистить нужно», – подумал Ирвин.

Тем временем Молодая Смерть подошла к полочке и провела пальцем по замыкающемуся в круг металлу.

– Пшла! – шикнул Ирвин.

– На кого это ты, Тедди? – внучка взглядом продолжала выхватывать информацию с экрана. Только одна бровь вопросительно поползла вверх.

– Голуби... загадят подоконник ещё. Кыш! Пошла!

Ирвин поднялся и сделал несколько шагов к окну, помахал руками, как если бы и вправду гнал птиц мира прочь, и ухватил с полки кольцо.

– Ишь, чего захотела, – пробубнил старик обиженно. А Молодая Смерть вернулась к двум другим на диван, положила ногу на ногу и сказала спокойно:

– Знакомое колечко, – глаза её сузились, как у довольной кошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.